

А.Б.Рогинский.
Брюссель, 14 ноября

Дорогие друзья!

На таких церемониях принято, прежде всего, выразить благодарность тем, кто присудил нам премию. И я это, конечно, сделаю. Но чуть позже. А начать я хотел бы с рассказа о Мемориале.

Международный Мемориал – это не одна организация в Москве: это сеть из нескольких десятков вполне независимых организаций в основном в России, но также и на Украине, Латвии и в других странах. Все мы соединены общими задачами.

У нас два основных направления деятельности: правозащитное и историко-просветительное. И конечно, правовая и социальная поддержка бывших жертв террора. Каждая организация сама выбирает, какое направление для нее профильное. Группы очень разные: есть совсем маленькие, есть большие, вовлекающие в свою работу сотни людей в регионе. С властью у мемориальных организаций отношения, как правило, непростые, иногда напряженные. Но, несмотря на все сложности, мы существуем уже двадцать пять лет.

Мы ни в коем случае не союз историков, хотя некоторые из нас и являются профессиональными историками. Наша главная забота – не исследования (хотя мы ими много занимаемся), а другая: как добытое историками знание о государственном терроре советского периода донести до широкой публики, как сделать его частью нашей общей исторической памяти. Это значит:

- публиковать материалы об истории террора, организовывать симпозиумы, вечера и публичные акции;
- создавать и показывать выставки, побуждать местные музеи создавать свои экспозиции по теме террора и ГУЛАГа;
- работа с местными сообществами по увековечению памяти о жертвах террора;
- собирать из местных информационных ресурсов объединенные продукты, имеющие общенациональное значение; пример тому – изданный нами в Москве в 2007 году на основе региональных Книг памяти электронный диск «Жертвы политического террора в СССР», содержащий более двух с половиной миллионов имен;
- самое, может быть, главное – идти с образовательными и просветительскими проектами в школы - к педагогам и ученикам.

Такова историко-просветительская деятельность Мемориала – в Москве и в регионах.

Что касается правозащитной деятельности, то она многообразна: это и бесплатные правовые консультации для населения, и наблюдение за местами заключения, и правовая защита от полицейского произвола, и масса всего другого – в зависимости от местных обстоятельств.

Этим занимаются многие организации. Но есть у Мемориала и такие виды деятельности, по которым Мемориал узнают. Это защита прав мигрантов. Это публичные выступления в поддержку политических заключенных, - к сожалению, у нас они опять появились. Это консультации для тех, кто не найдя защиты в российских судах, вынужден обращаться в Страсбургский суд по правам человека. И самое типично «мемориальское» - это работа в «горячих точках», прежде всего на Северном Кавказе, там, где вспыхивают войны или тлеют очаги массового насилия. Главным образом это мониторинг событий, расследование убийств и похищений людей, распространение

информации о происходящем. Я даже не знаю, можно ли эту работу в «горячих точках» - например, в Чечне или Дагестане, - называть защитой прав человека? В некотором смысле, мы просто мешаем людям убивать друг друга. Во всяком случае, насколько я понимаю, это тот род деятельности, который особенно сближает нас с Пакс Кристи.

И еще одно. Так получилось, что Мемориал во многих регионах оказался одним из центров кристаллизации гражданской жизни, и многие ждут его мнений по разным острым вопросам. Это, конечно, не способствует большой любви к нам со стороны нынешней власти – ну да и Бог с ней; хотя иногда это приводит к неприятностям. Важнее другое: это налагает на нас серьезную ответственность за наши слова и действия. Об ответственности, о гражданской ответственности за все, что происходит вокруг нас, я, в основном, и буду говорить дальше.

Но сначала – слова благодарности.

* * *

Итак, я хотел бы передать вам благодарность Международного Мемориала за премию, присужденную нашему обществу.

Эта благодарность – не пустой звук и не формальность. Дело не только в том, что это высокая честь для любого человека и любой организации - получить награду, присуждаемую Пакс Кристи, чья деятельность заслужила известность и уважение во всем мире.

Дело еще и в том, что мы, Мемориал, чувствуем определенную духовную близость с движением, которое, как и наше движение, возникло как реакция на крупнейшую гуманитарную катастрофу XX века. Пакс Кристи, насколько мне известно, родилась из осмысления опыта Второй мировой войны. Для Мемориала опытом, подлежащим осмыслению, стали террор и насилие, которым в течение многих десятилетий подвергались народы Советского Союза со стороны собственной государственной власти.

Мировые войны и государственный террор – это два очень разных типа исторических катастроф. Но они близки по своим истокам и по некоторым сущностным характеристикам, хотя и оказались различными по своим последствиям.

Прелюдией ко всемирной трагедии 1939-1945 гг. стало торжество государственного насилия в двух крупнейших европейских странах – Германии и Советском Союзе. И в ходе войны, и в ходе террора, шла **девальвация фундаментальных человеческих ценностей – ценности человеческой жизни, человеческого достоинства, человеческой свободы.**

В послевоенной Западной Европе опыт нацизма, опыт Второй мировой войны стал основой пересоздания общественных отношений на основе обновления принципов демократии, свободы и права. Мне кажется, это произошло не в последнюю очередь потому, что трагический урок был понят и осмыслен. Настолько, насколько вообще в человеческих силах осмыслить Аушвиц, Дахау, Дрезден и Хиросиму.

Но в России этого осмысления террора не произошло.

Напомню о двух важнейших факторах, оказавших влияние на формирование памяти о терроре – о его длительности и его масштабах.

Террор – сначала массовый, потом избирательный длился 70 лет. И даже если взять в расчет только эпоху массовых террористических кампаний, с 1918 до 1953, то это все равно составит 35 лет - втрое больше, чем, например, господство «национального социализма» в Германии.

Только по политическим обвинениям за этот период были арестованы около 5 миллионов человек; более миллиона из них были расстреляны, остальные – отправлены в лагеря. Более 6 миллионов оказались в специальных трудовых поселках лагерного типа на Севере, в Сибири и Казахстане, вообще безо всяких индивидуальных обвинений, в результате массовых депортаций.

Кроме того, к числу прямых жертв можно отнести более 6 миллионов крестьян (отнюдь не только украинцев, как многие считают), которые погибли во время искусственного голода 32-33 гг.

Не забудем и миллионы людей, осужденных по различным пустяковым обвинениям, - например, за опоздания на работу или несанкционированный начальством переход на новое место работы.

И несмотря на все это, в России даже и после падения коммунистического строя принципы свободы, права и демократии не стали основой общественной жизни. Почему?

Общество «Мемориал» работает, главным образом, с двумя субстанциями: с **коллективной исторической памятью и с современным гражданским сознанием**. И наш ответ на этот вопрос тоже будет двояким: с демократией и свободой в России дела обстоят неважно потому, что наша историческая память раздроблена и противоречива, а наше гражданское сознание слабо.

Почему слабо наше гражданское сознание? Десятилетиями народ в нашей стране приучали к тому, что любая общественно значимая инициатива, – подчеркиваю, любая, не оппозиционная и даже не политическая, а, например, культурная или религиозная, или социальная, или гуманитарная инициатива, - не санкционированная государственной властью, - жестоко карается. В одни периоды совсем жестоко – тюрьмой, а то и расстрелом, в другие - менее жестоко, - но карается.

Террор привел к тому, что **в стране победившего коллективизма общества как такового вовсе не было**.

Было только **население, атомизированное, разобщенное, с тотальным взаимным недоверием**.

Пронизанное чувством **страха, глубоко укоренившегося в подсознании страха маленького человека перед всемогуществом государства**.

Пронизанное **двоемыслием и его неизбежным следствием – цинизмом и полной релятивизацией нравственных ценностей**.

Люди постепенно привыкли к тому, что они ни за что не отвечают, **за все отвечает власть**, и за хорошее, и за плохое. Для многих такое существование оказалось довольно комфортным. В этих условиях **чувство гражданской ответственности** в массовом сознании атрофировалось, оставаясь достоянием единиц, мучительным, иногда смертельно опасным для них.

Когда со смертью Сталина закончилась эпоха массового террора, независимая общественная активность начала понемногу возрождаться. Диссиденты поздней советской эпохи – они ведь не были сплошь политическими оппозиционерами. Большинство диссидентов просто хотели быть **гражданами**. Они чувствовали гражданскую ответственность за свою страну. Но государство считало диссидентскую

активность политической оппозицией и многих отправляло за решетку. На этой почве возникло протестное движение, которое стало называться правозащитным. Именно с диссидентов начинаются первые попытки возрождения гражданского общества в нашей стране.

Это были уже не единицы, а десятки и сотни людей – но все равно **их было слишком мало**, чтобы искореженный гражданский менталитет восстановился как социально и политически значимое явление.

Перестройка, начавшаяся в середине 1980-х годов, мало что изменила: ведь свобода была дана населению сверху, по решению власти. Люди поняли одно: теперь власти можно не только подчиняться, можно еще от нее что-то требовать, чтобы она, власть, что-нибудь хорошее сделала людям. Мысль о том, что **отвечает за происходящее в стране не только правительство, но и сами граждане, отвечает каждый из нас**, пробивает себе дорогу очень медленно и неуверенно; может быть, не одно поколение должно смениться, пока эта мысль станет всеобщим достоянием.

Теперь о памяти.

Важнейшая черта нашей памяти о терроре - это **память о жертвах**. Именно о жертвах, но не о преступлении. Все, кроме оголтелых сталинистов, готовы чтить память жертв. И на этот счет существует национальный консенсус. Но относительно того, кто же виноват, кто преступник – никакого консенсуса нет.

Здесь несколько причин.

1. В правовом плане массовому сознанию при попытке понять, кто же преступник, опереться не на что. Нет ни одного вызывающего доверия судебного решения ни по одному персональному делу об организаторах или активных участниках террора. В посткоммунистической России за прошедшие более 20 лет не было ни одного процесса – против следователей, начальников лагерей, партийных функционеров – участников террора. **Ни одного**. Но самое главное – так и не появилось **никакого государственного правового акта**, в котором государственный террор был бы назван **преступлением**.

2. В нашем сознании не так-то просто отделить **жертв от палачей**. Например, многие активисты террора из числа партийных функционеров параллельно участию в терроре занимались важной и нужной для людей хозяйственной деятельностью – строительством заводов, больниц, обустройством городов. Террористический аспект их деятельности был от населения скрыт, а хозяйственный на виду, и во многих местах население сохранило о них в связи с этим благодарную память. К тому же многие из этих деятелей потом и сами становились жертвами, а это вызывает сочувствие. Тут уж и вовсе у многих людей возникает ощущение, что лучше обо всем этом не думать, чем пытаться понять. Происходит **вытеснение** всех этих сложных и малопонятных сюжетов из сознания.

3. Сравнительно легко и просто выстраивается национальная память о терроре вокруг антитезы **«свои» - «чужие»**. Свои – хорошие, чужие – плохие. Свои – жертвы, чужие – палачи. Так в основном устроена национальная память в новых государствах – бывших республиках Советского Союза. «Они» (то есть СССР, чаще говорится просто «русские») нас завоевывали, оккупировали, совершали против нас преступления. А «мы» всегда были жертвами. При этом «мы» всегда сопротивлялись, и потому в 91 году добились независимости.

Но что делать нам, жителям России? Мы же не можем сказать, что нас кто-то чужой оккупировал, кто-то чужой убивал. Все, что у нас произошло, сделали мы сами. У нас **свои** убивали **своих**. Принять это чрезвычайно трудно. Почти невозможно.

В памяти о терроре мы не в состоянии распределить главные роли, не в состоянии расставить по местам местоимения «мы» и «они». **Эта невозможность отчуждения зла и является главным препятствием к формированию полноценной памяти о терроре.** Она усугубляет ее травматический характер, становится одной из главных причин вытеснения ее на периферию исторической памяти

4. Но и этого мало. Самое сложное в России возникает при сопоставлении памяти о терроре с памятью о войне с Гитлером. Как этот сюжет видится людям? Мы потерпели огромные жертвы и победили в войне с абсолютным Злом. Это – наша главная гордость и основа нашей идентичности. А нам теперь говорят, что государство было преступное. **Кем же мы должны себя ощущать – наследниками победителей или наследниками преступной власти.**

Если сильно упростить, то возникший конфликт памятей выглядит примерно так. Если государственный террор был преступлением, то кто преступник? Государство? Стоявший во главе его Сталин? Но ведь СССР победил в войне. И именно под водительством Сталина мы одолели Гитлера. Победа - это эпоха Сталина, и террор – это эпоха Сталина. Примирить эти два образа прошлого невозможно, если только не вытеснить один из них, или, по крайней мере, не внести в него серьезные коррективы.

Так и произошло – память о терроре отступила. Она не вовсе исчезла, но оказалась оттесненной на периферию массового сознания.

Итак, массовое сознание сравнительно легко приняло в себя сочувственную память о жертвах террора. Но кому принесены эти жертвы, какому Молоху, во имя чего? Оказалось, что людям проще воспринимать национальную катастрофу как **род стихийного бедствия**, нечто вроде средневековой эпидемии чумы, **за которое никто не несет ответственности, чем признать для себя преступным государство и его лидеров.** Этот аспект темы так и не стал предметом общественного обсуждения. Иногда даже возникает впечатление, что на него со всеобщего согласия наложено какое-то молчаливое табу. А когда мы поднимаем этот вопрос, а мы поднимаем его постоянно, нам отвечают, что мы вносим раскол в общество и чуть ли не разжигаем гражданскую войну.

Влияние на характер памяти о терроре оказывает и историческая политика власти, в особенности с начала 2000-х годов.

Правительство Путина, придя к власти на рубеже столетий, довольно быстро упразднило (или по крайней мере, резко ограничило) и политическую демократию, и некоторые гражданские свободы. Замечу, что эволюция России от демократии к авторитаризму не лежит только на совести правительства Путина: она была обусловлена деградацией российской демократии 90-х годов и одобрена значительной частью населения.

Ограничение свободы и демократии требовало определенной реабилитации советского прошлого. Здесь-то и возникает **государственная историческая политика.**

То есть целенаправленные действия власти по созданию такого образа прошлого, который ее, эту власть, устраивает.

Эта политика может выражаться многими способами:

- Кому государство ставит памятники, а кому не ставит
- Каких ветеранов поддерживает, каких нет
- Какие исторические даты отмечает с какой степенью торжественности
- И так далее.

В ноябре 2003 глава государства на встрече с российскими историками заявил буквально следующее: «в свое время историки напирали на негатив, так как была задача разрушить прежнюю систему. Сейчас у нас иная, созидательная задача». А полтора года спустя Путин назвал крушение Советского Союза «крупнейшей геополитической катастрофой [XX] века». Такого рода высказывания - уже готовые формулы для конструирования национальной памяти.

В своих усилиях создать позитивный образ советской истории власть не могла не обратиться к памяти о войне.

В 2005 торжественно, как никогда раньше в постсоветское время, празднуется юбилей Победы. Сотни мероприятий, проводимых по всей стране, посвящены почти исключительно Победе и только ей. Вопросы о **Цене Победы** в них и близко нет. Не вспоминают об ошибках и преступлениях руководства, приведших к катастрофическим поражениям 1941-1942, о чудовищных военных потерях, о миллионах солдат, попавших в плен, Все это плохо вписывалось в лубок, предлагаемый населению в качестве национальной истории. Трагическая память о войне была подменена памятью об одном счастливом дне – Дне Победы. Сейчас уже создан новый организационный комитет «Победа», для празднования юбилея в 2015 г. Председатель комитета – Президент России. Полагаю, все особенности прошлого празднования сохранятся и в 15-м году.

«Россия – страна великих побед»; вот базовая формула путинской исторической политики – уже не для встреч с историками, а для массового сознания.

Но что же с исторической политикой и темой террора?

В России так и не появился общенациональный памятник жертвам – поставленный государством и свидетельствующий об отношении государства к террору. Те памятники и памятные знаки, которые есть, установлены, как правило, общественными группами при содействии региональных властей. Их немало, но это знаки региональной, а не общенациональной памяти.

Нет и общенационального музея-мемориала.

Наша топонимика переполнена именами не жертв, а, наоборот, активистов террора.

Не создана общенациональная Книга Памяти жертв. Книги создаются во многих регионах, но они крайне неполны. Создать общую базу данных несложно, все документы сохранились. Уже давно создана прекрасная база данных для погибших на войне. Но для жертв террора ничего подобного нет, потому что нет указания из федерального центра.

Не выявлены и места массовых захоронений тел казненных. Например, только в 37-38 годах было расстреляно не менее 700 тысяч человек. Известны места захоронений не больше чем трети из них. Не найдены места и лагерных кладбищ – а их были многие тысячи. В результате большинство потомков жертв не знают, где похоронены их близкие.

В наших новых школьных учебниках истории террор выступает в качестве исторически детерминированного и безальтернативного инструмента решения государственных задач. В лучшем случае как издержки модернизации. Эта концепция не исключает сочувствия к жертвам (это сочувствие явно продекларировано авторами), но категорически не допускает постановки вопроса о преступном характере террора и о субъекте этого преступления.

Наконец, два слова о социальной поддержке жертв. Компенсации выплачивались только прошедшим лагерь, высланным в трудпоселки – ничего. Размеры компенсаций поражают – 75 рублей (это меньше 2 евро) за каждый месяц заключения. Просидел человек 5 лет на Колыме, выжил чудом, – получи 120 евро. Есть и ежемесячные выплаты – тоже нищенские - их с середины 2000-х годов центральная власть спихнула на регионы.

И все это – историческая политика. Справедливости ради отмечу, что в последние три года в ней возникли некоторые новации. Попеременно Медведев и Путин выразили сочувствие жертвам. Перед самой отставкой Медведевым даже было санкционировано создание государственной программы по увековечению памяти жертв, затем это решение одобрил и Путин. К сожалению, пока похоже, что работа над программой (а мы конечно принимаем в ней участие) закончится более или менее впустую.

В целом вектор исторической политики остается прежним: мы живем в стране великих побед. Победы в войнах, великие стройки, достижения в науке и культуре, завоевание космоса – это все мы. Мы гордимся славным прошлым нашей страны. Стыдиться в прошлом нам нечего. А террор – это случайное, нехарактерное «искривление», это «перегиб».

Меньше всего эта историческая политика содействует пониманию террора как системного явления, как преступления государства против личности. Она направлена не на сохранение памяти, а на так называемое «патриотическое воспитание». И в конце концов – на укрепление государственной власти, утверждение идеи ее заведомой правоты. Власть выше любых нравственных и юридических оценок. Она неподсудна по определению, ибо руководствуется государственными интересами, которые выше интересов человека и общества, выше морали и права. Государство право всегда - по крайней мере, до тех пор, пока справляется со своими врагами.

Казалось бы это чудо, но память о терроре в России, несмотря на все вышеописанные неблагоприятные обстоятельства, не исчезает вовсе.

Память о терроре сохраняется сегодня благодаря труду множества историков и архивистов, благодаря систематической просветительской работе, организуемой на свой страх и риск сотнями школьных учителей, музейщиков, краеведов, журналистов, благодаря деятельности общественных организаций, в том числе и общества «Мемориал».

Но это память **периферийная, второстепенная, расколота на фрагменты**. Память, **лишенная правовых и даже политических оценок**. Место этой памяти в общественном сознании таково, что травма остается непреодоленной.

Мы живем в мире неподведенных итогов – не только итогов террора, но и итогов советского прошлого в целом.

Я изложил основные факторы, препятствующие **такому осмыслению прошлого**, которое могло бы стать основой для **осмысления настоящего**.

Вы могли убедиться, что мы очень далеки от того пути, который прошла Германия, преодолевая нацистское прошлое. Мы ни в какой степени не готовы принять себя вину за преступления прошлого.

Но вот вопрос: **надо ли нам принимать на себя такую вину?** В течение последних лет Мемориал мучительно искал иную формулу расчета с прошлым, которую мы могли бы предложить обществу. Нам кажется, что мы в конце концов ее нащупали. Ее подсказала нам повседневная деятельность наших организаций, в которой работа с прошлым неразрывно сплетена с актуальной борьбой за сегодняшние права человека, осмысление исторических трагедий – с повышением гражданской ответственности за настоящее России.

В конце концов, мы начали понимать, что национальная (и общечеловеческая) **историческая память**, национальное (и общечеловеческое) **историческое сознание** и **гражданская ответственность** - это две стороны одной медали, имя которой – **гражданское самосознание, охватывающее прошлое и настоящее, связывающее их в единое целое**. И понятию о «национальной вине» здесь нет места.

Уголовная вина требует наказания. Но кого нам сегодня наказывать? «Метафизическая вина», о которой писал Карл Ясперс, требует акта покаяния. Но за что каяться нам, сегодняшним, нашим детям и внукам?

Ясперса и современных ему немцев можно понять: во второй половине 1940-х раны нацизма были совсем свежими, люди, совершавшие преступления от имени немецкого народа, были в большинстве своем еще живы, вопрос о вине был более чем актуален. В сегодняшней России уже не осталось живых сталинских палачей, их деяния стали предметом истории. Традиционный русский вопрос: «Кто виноват?» можно и должно ставить только в плане уголовной вины, по отношению к деятельности конкретных людей, давно умерших и похороненных. «Метафизическая вина всего народа» - для нас сегодня понятие контрпродуктивное, оно не помогает, а, скорее, мешает нам в нашей работе.

Дело даже не только в том, что современное правовое мышление отрицает концепцию коллективной и, тем более, наследственной вины за преступление. Главное - что для серьезного осознания прошлого, для поиска выхода из тупиков исторических противоречий необходима гражданская ответственность. Ответственность, которую добровольно принимает на себя каждый человек, чувствующий себя членом некоего исторически сложившегося сообщества, за деяния, совершаемые сегодня и совершавшиеся когда-то от имени этого сообщества.

Для Мемориала представление о гражданской ответственности неразрывно связано с его актуальной правозащитной работой – или, скорее, его актуальная правозащитная работа вытекает из чувства гражданской ответственности. **Гражданская**

ответственность требует осознания и труда – труда, направленного на преодоление прошлого в настоящем. В этом смысле Мемориал наследует традиции диссидентско-правозащитников советской эпохи.

Если народ объединен не только сиюминутным гражданским и политическим бытом, но и общим прошлым, и чаянием общего будущего — то категория гражданской ответственности естественным образом распространяется и на национальную историю. Именно **гражданская ответственность за собственную историю**, а не великие достижения и великие катастрофы как таковые, делают народ в полной мере нацией — обществом сограждан.

Покаяние – одноразовое и символическое действие; осмысление прошлого – это постоянная и упорная работа. Это не та работа, которую можно сделать один раз и навсегда. Каждое новое поколение должно вновь и вновь обращаться к своему прошлому, каждое поколение должно вновь и вновь осмыслять и переосмыслять его, в особенности его горькие и страшные страницы. Каждое поколение должно развивать собственное прочтение истории. И это будет вновь и вновь пробуждать гражданскую активность людей, их волю не допустить сползания страны в маразм несвободы, диктатуры и бесправия.

А пока Международный Мемориал всего лишь пытается обеспечить фундаментальные основы этого процесса, – **развитое гражданское самосознание и гражданскую ответственность.** Или, попросту говоря, не дает людям заснуть.

Ъ

Спасибо за внимание. И еще раз - спасибо за вашу премию. Хочется верить, что мы ее заслужили.